

Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв.

А. Ю. Конев

Принято считать, что в начальный период присоединения Сибири к Русскому государству основными формами нормативно-правовых актов, отражавших содержание и главное направление правительственной политики в отношении сибирских аборигенов, наряду с царскими указами, служили указы и грамоты сибирским воеводам [Федоров, 1991. С. 18–19]. Следует отметить, что указы и грамоты представляли собой разновидность правовых документов, устанавливавших принципы местного управления, т. е. их следует рассматривать прежде всего как памятники административного права, действие которых формально ограничивалось во времени и пространстве. Указы являлись своеобразной инструкцией, а грамоты — предписанием должностному лицу о том, как действовать в конкретной ситуации. В них, как правило, не формулировались принципиально новые правовые нормы, а лишь трактовалось и разъяснялось применение наличного права. Поэтому исследователю, занимающемуся изучением правовых аспектов российской колониальной политики в Сибири, следует иметь в виду более широкий круг нормативных источников, в числе которых особое место занимает такой специфический и до сих пор малоисследованный тип публично-правового акта, как *шерть*. Именно процедура шертования юридически закрепляла сибирских иноземцев в русском подданстве со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Согласно «Полному церковно-славянскому словарю», составленному в 1898 г. Григорием Дьяченко, «шерть» — это присяга [Т. 2. С. 833][1]. Отсюда значение слова «шертовать» — присягать, давать клятву. В словаре В. Даля шерть трактуется несколько уже — как присяга мусульман на подданство [Даль, 1995. Т. 4. С. 630]. В самом деле, термин шерть был заимствован у магометан, но применялся для обозначения присяги представителей всех азиатских народов, в том числе и язычников, поступавших в число подданных русских царей. Очевидно, что шертование иноземцев в широком смысле имело то же юридическое значение, что и крестоцелование — присяга православных подданных.

Присяга-клятва (принародное утверждение своего слова каким-либо действием, обещание в показании истины с призыванием имени Бога) известна в русском процессуальном праве с древних времен и первоначально обозначалась заимствованным из Библии греческим термином «рота» [Полный церковно-славянский словарь, 1998. Т. 1. С. 557]. Рота являлась важнейшим элементом суда Божьего. Так как в связи с принятием христианства она утверждалась целованием креста, то и стали называть ее крестным целованием. Впоследствии, видя что это выражение неудобно для иноверцев, в отношении христиан стали употреблять термин клятва, а для язычников и магометан — шерть. Наконец, вместо слова клятва вошло в употребление польское — присяга [Там же].

С изменением в русском процессуальном праве — вытеснением в XVI–XVII вв. состязательной формы судопроизводства розыскной формой — крестоцелование оказалось наиболее устойчивым пережитком «Божьих судов». Его порядок был определен мартовским указом 1625 г., в том числе и для иноземцев: «литвы», «немцев», «татарова», с учетом их вероисповедальной принадлежности [Законодательные акты..., 1986. № 142. С. 123–124]. Так, в ответ на иски русских людей, иноземцев разрешалось приводить к присяге «по их вере». Интересно отметить, что в случае крестоцелования русского человека в ответ на иск иноземца запрещалось «ставити крест» у образа Св. Николая, тогда как общий порядок для русских людей предусматривал целовать крест «у Николы Старова», написав крест «с распятием и з деаньем». Статья 3 гл. XIV Соборного уложения повторила соответствующее положение указа 1625 г. Русские по искам иноземцев должны были приносить присягу в тех приказах, которым были подсудны иноземцы. Крест должен был быть изображен на иконе. За иноземцами закреплялось право присягать по своей вере [ПСЗ-1. 1830. Т. 1.]

Применение присяги как средства доказательства в первой половине XVII в. сокращалось. А вот предварительная присяга (в случае «повального обыска» — опроса свидетелей) сохранялась во всей силе. Об этом свидетельствует, в частности, ст. 161 гл. X Соборного уложения, где среди прочего указано, что «татары и всякие ясачные люди» в процессе обыска присягали «по их вере по шерти» и скрепляли свои показания, в случае неграмотности, своими «знамянами»[2]. Процедура следствия, закрепленная в данной статье, по всей видимости, восходит к пятому пункту Статейного списка 11 января 1628 г. При этом Уложение развивает положения 1628 г. в части, касающейся возможности приведения иноземцев «к вере», т. е. к клятве, в процессе следственных действий. Статейный список состоял из восьми указов о судопроизводстве. Указы эти были даны царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом Романовыми [Законодательные акты..., 1986. № 169. С. 139–140]. Отметим, что шерть-клятва как процессуальное действие при отправлении правосудия у аборигенов Сибири сохраняла свое значение на протяжении

достаточно длительного периода.

Наличие соответствующих положений Соборного уложения 1649 г. послужило основанием для М. М. Федорова сделать вывод о том, что именно этим правовым документом были законодательно признаны обычаи ясачных народностей и возможность их применения [Федоров, 1991. С. 18]. На наш взгляд, такое утверждение не совсем корректно, так как, во-первых, следует учитывать предшествующее законодательство, и прежде всего вышеназванные указы 1625 и 1628 гг.; во-вторых, в отношении части аборигенов суд по обычаям был признан де-юре еще в конце XVI в. Ярким примером тому служит жалованная грамота царя Федора Ивановича от 18 февраля 1594 г. остяцкому князю Игичею Алачеву и брату его Онже Юрьеву, за которыми официально признавались их владельческие права, а воеводам предписывалось местное население «ни в чем не судити» [СГГД. 1819. Ч. 2, № 63. С. 127]. У подавляющего же большинства «ясашных» традиционный суд существовал де-факто и не оспаривался властями. Как правило, русская администрация в этот период избегала прямого вмешательства в сложившиеся правовые порядки коренного населения, за исключением попыток изъятия из регулятивной практики местных общин уголовных дел об убийствах.

Другой разновидностью шерти в рассматриваемый период была клятва тех, кто принимал подданство, в том числе ясачное. М. М. Федоров отмечает, что в этом случае шерть выступает как особая форма закрепления прав и обязанностей. Правда, он сводит ее значение к средству принуждения аборигенов платить ясак [Федоров, 1991. С. 26–27]. На наш взгляд, такая трактовка шертных договоров слишком узка. Получение ясака с сибирских иноземцев в этом случае не являлось самоцелью, а служило лишь формой обязанности, определявшей положение аборигенов как данников русского царя. Ясак носил в этот период не столько экономический, сколько политический характер. Укрепить в русском подданстве, заручиться лояльным отношением местного населения к русской администрации — вот основные задачи шертных договоров, причем акцент в них, безусловно, был сделан на формулировке обязанностей, а не прав.

Сохранилось несколько редакций шертной грамоты, относящейся ко времени похода Ермака 1581–1585 гг. Одна из них, включенная в основную редакцию Есиповской летописи, — приведена в нашей таблице. По мнению Е. К. Ромодановской, пересказ шертной грамоты в летописи находится «в несомненной связи с официальным документом» [1980. С. 39]. Публикация соответствующего отрывка осуществлена по работе Ромодановской [Там же. С. 41].

Не исключено, что шертные грамоты (договоры) явились одним из источников «жалованного слова» — специфической статьи, присутствующей в наказах сибирским воеводам. Можно говорить о трансформации в воеводских наказах шертного договора в форму пожалования. Вывод этот напрашивается в результате сопоставительного анализа текста упоминавшейся выше шертной грамоты и соответствующих статей наказов XVII столетия. По мнению Е. В. Вершинина, клаузула «жалованного слова» вошла в тексты сибирских наказов с первых воевод, назначенных при Борисе Годунове [Вершинин, 1998. С. 67]. Превратившись в начале XVII в. в приказной штамп, «жалованное слово» зачитывалось русскому и ясачному населению сибирских уездов при каждом новом назначении воевод в приказной избе в торжественной обстановке. Юридическая сущность прямого обращения монарха к «ясашным сибирским людям» состояла в напоминании необходимости соблюдения данной ими ранее присяги-шерти, закреплявшей их подданство, — чтобы «*служили, прямилы, и во всем добра хотели по своей шерти*». Обращает на себя внимание обязательное уточнение «*на чем ему, государю, шерть дали*», подтверждавшее правомерность присяги по вере, исповедовавшейся присягавшими. В отличие от шертного договора «жалованное слово» формулирует не только обязанности новоиспеченных подданных, в нем провозглашаются и обязательства властей в отношении своих подопечных «*держат во всяком их царском милостивом призрении и ото всяких людей... их оберегать, чтоб им никаких обид, и продажи, и убытков, и налогов, и разоренья ни от кого не было*», а также гарантируется («безо всякого сумненья») право проживать «*в царском жалованье в покое и в тишине*» и промыслы свои промыслять по-прежнему. Кроме того, в наказах закрепляется право местных народов «бить челом» на воевод и служилых людей, допустивших в отношении них «*насильство, продажи*» или взятие ясака «*не по государеву указу*». Что касается перечня обязанностей сибирских иноземцев, он в основном совпадает с тем, который определялся шертью, с некоторыми добавлениями и развернутой характеристикой того, как следует поступать с соплеменниками, в «*которых почаят шатость или воровство*». Интересно отметить, что в «жалованном слове» преступное деяние («лихое дело», «воровство») и недонесение о готовящемся и совершенном «ясашным иноземцем» преступлении рассматривалось как нарушение присяги-шерти, а не закона. Оставляя за собой право на расследование и определение наказания, государство возлагает на ясачное общество функции по предупреждению и пресечению противоправных действий своих членов. Вызывает интерес отсутствие в «жалованном слове» напоминания о непременном, «беспереводном» платеже ясака. Акцент делается на ограждение ясачных от произвола местных властей и на соблюдение установленных норм и форм ясачного сбора. Так, в наказе сургутским воеводам от 16 февраля 1608 г. читаем: «*...и ясаков лишних имати с них (сургутских остяков — А. К.) ...не велел, ...а велел ясаки имати рядовые, как кому мочно заплатит, смотря по вотчинам и по промыслам*» [АВПВШ. № 108. С. 363, 364]. В более позднем наказе 1697 г. тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому, уже после текста «жалованного слова», прибавляется: «*...а о государевом ясаке и о поминках ясачным людям приказывати, чтоб они... соболи с пупки и с хвосты, и лисицы приносили с лапы и хвосты*» [ПСЗ-1. 1830. Т. 3. № 1594].

Как мы видим, наказания, клаузулой содержащегося в них «жалованного слова», закрепляют и развивают

юридические начала шертных договоров. Это выражается в подтверждении (пролонгации) действия ранее данных присяг на верность, подробной регламентации обязанностей ясачных подданных, возложении на представителей местной элиты («князцов» и «лутчих людей») функций предупреждения и пресечения преступных деяний со стороны их соплеменников. Новацией, по сравнению с шертными договорами, было то, что «жалованным словом» определялись некоторые права аборигенного населения, в частности право обитания на государевой земле, а также формулировались обязательства государственной власти в отношении сибирских народов, вступивших в русское подданство.

Следует учесть, что сама принадлежность к государству была малопонятна сибирским аборигенам, по-своему трактовавшим содержание отношений с ним. Симптоматична разница в квалификации выступлений против властей и государственного порядка, совершенных русскими и ясачными людьми. Если применительно к первым такого рода преступления оценивались как «бунт» и «заговор», то ко вторым — как «измена» и «шатость». Тем самым подчеркивалась специфика положения новоиспеченных подданных.

Приведение к шерти-присяге на верность практиковалось не только в случаях вступления в подданство вновь, но и, по заведенной с конца XVI в. практике, в момент смены царствующей персоны. Присяга подданных являлась на протяжении XVII–XVIII вв. важным условием легитимной передачи власти новому монарху. Православное население приводилось к крестоцелованию, а иноверцы — к шерти по их вере. Для этого составлялись «шертовальные записи» или «шертоприводные книги». На протяжении XVII столетия шертоприводные тексты претерпели некоторые изменения. Процесс этот носил организованный, санкционируемый и контролируемый центральными властями характер. Об этом свидетельствует следующее предписание «известительной грамоты» верхотурским воеводам по случаю кончины царя Михаила Федоровича и восшествия на престол его сына Алексея Михайловича от 20 июля 1645 г.: «А будет на Верхотурье в съезжей избе шертовальные записи нет, или чего в прежних шертовальных записях против нынешней нашей московской записи не написано, и вы б (воеводы — А. К.) велели написать на Верхотурье, для татарского и вагульского шертования, новую шертовальную записи, примеряя нынешней нашей московской записи...». [СГГД. 1822. Ч. 3, № 122. С. 420].

Можно с большой долей уверенности предположить, что, во-первых, изменения, вносившиеся в тексты шертовальных записей приказными канцеляристами, находились в определенной связи с содержанием «жалованного слова»; во-вторых, в результате этих редакций к концу XVII в. сложился определенный формуляр шертовальной записи — присяги. Образец такой записи, датируемый рубежом XVII–XVIII вв. (около 1700 г.) [Памятники сибирской истории, 1882. Кн. I. С. 24–25] приводится нами в таблице.

Обращает на себя внимание публично-частный характер шерти-присяги 1700 г. Ранние шерти, как нам представляется, носили обезличенный характер, оформляя отношения между носителем власти и покоренным русской державе сообществом аборигенов в лице его лидеров, участвовавших в шертоприводной процедуре. Поздние записи — это уже договор между монархом и частным лицом (лицами), вступающим в подданство: «Я, имярек, даю шерть великому государю, царю...».

Стремление «дойти», по возможности, до каждого ясачного прослеживается довольно рано. В упоминавшейся грамоте верхотурским воеводам 1645 г. повелевается присягавших иноземцев «смотря по тамошней мере, к укреплению... написать имянно», в особые книги. Если кто-то к «шертованью» не придет, тех следовало привести к присяге позднее и так же написать в книги. Русских и иноземцев записывали по чинам, порознь, причем следовало указать «за чем кто не объявиться» у крестного целования и шерти. Книги эти отправлялись в Москву в Сибирский приказ.

Тексты шертоприводных записей послужили основой для появления в XVIII в. присяг на верность русским царям при вступлении в российское подданство. Примером может служить обнаруженная автором в фондах Тобольского архива присяга ташкинца Салтана Мухаметева, датируемая январем 1789 г. [ГУТОГАТ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15. Л. 22]. Ее сопоставление с текстом шерти конца XVI в. и шертоприводной записью 1700 г. показывает, что при всех отличиях этих документальных памятников, в них имеется ряд принципиально сходных статей, свидетельствующих о преемственном развитии интересующих нас текстов. Во-первых, они содержат обязательное указание на факт вечного подданства присягающих; во-вторых, закрепляется обязательство регулярно платить ясак или нести службу; в-третьих, присягающие обязуются быть лояльными к представителям центральной власти на местах; в четвертых, присягающий обязуется извещать местные власти о «шатости и измене» своих соплеменников, о всем том, что могло нанести вред государству.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что необходимо различать шертование как процессуально-ритуальное действие и шертную записи как юридический документ, подтверждающий факт и содержание клятвы-присяги, имеющей правовые последствия.

В XVIII в. апелляции к шерти как к особой форме принятия подданства исчезают из правительственных указов, наказов местным администраторам, не встречаются в инструкциях первым сибирским губернаторам. Характерно, что одновременно с этим из делопроизводственных документов, адресованных сибирским чиновникам, исчезает формула «жалованного слова». Все это свидетельствовало об изменениях в положении народов Сибири в составе России, преодолении ими «иноземческого статуса».

Есиповская	Из «Наказа ближнему	Шертоприводная записи	Присяга ташкинца
------------	---------------------	-----------------------	------------------

<p>летопись (основная редакция) (1636 г.)</p>	<p>боярину князю Черкасскому, назначенному в Тобольск воеводою...» (1697 г.)</p>	<p>сибирских иноверцев на верную службу царю (около 1700 г.)</p>	<p>Салтана Мухаметева, переходящего в российское подданство (1789 г.)</p>
<p>«...Изволением все-милостиваго, в Троице славимаго Бога и пречистыя его Богоматери и великих всеа Руси чудотворцов молитвами, его же государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси праведною молитвою ко всещедрому Богу и [его царским] счастием царство Сибирское взяша и царя Кучюма и с вои его победиша, под его царскую высокую руку привели многих живущих тамо иноземьцов, тотар, и остяков, и вогулич, и прочия языцы, и к шерти их по их вере привели многих, что быть [им] под его царскою высокою рукою до веку, покамест изволит Бог вселенней стояти, и ясак им давати государю по вся лета без переводу, на русских людей зла никакова не мыслити. А которые похотят к государю в ево государскую службу, и тем бы его государская служба служить прямо и недругом его государским не спускати, елико Бог помощи подаст, и самем им не изменить, к царю Кучюму и в ыные орды и улусы не отъехать, и зла на всяких русских людей никакова не думать, и во всем правом постоянстве стоять».</p>	<p>«...А сказать сибирским тобольским татаром и бухарцом а из волостей ясачным лучшим людем великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, жалованное слово, что царское Величество их пожаловал, велел их держать во всяком их царском милостивом призрени и ото всяких людей велел их оберегать, чтоб им никаких обид, и продаж, и убытков, и налогов, и разоренья ни от кого не было, а они б, тобольские татаровя и бухарцы и уездные ясачные люди, в их царском жалованье во всем покое и в тишине безо всякого сумнения и промыслы всякими промышляли по прежнему и великому царю и великому князю Петру Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, служили, и прямили, и во всем добра хотели по своей шерти, на чем ему, великому государю, шерть дали. А над ворами шатости, и всякаго воровства, и лихова умышления смотрели и берегли накрепко, и детей своих, братью и племянников и друзей отовсюду в государеву милость призывали и в городех и юрты в уездех и волости полнили, а царское величество во всем их жалует своим царским жалованьем. А в которых будет людем почаят шатость или какое воровство, и они б тех воров не укрывали и не таили, и тем великому государю службу свою и правду объявляли, и на тех воров, в которых почаят шатость и воровство, сказывали и, переимав их, приводили к ним, ближним боярину и воеводам, ко князю Михайлу Яковлевичу с товарищи. А кто на кого скажет какое воровство или измену, а сыщется про то допряма, и великий государь царь и великий князь Петр</p>	<p>«Я, <i>имярек</i>, даем шерть великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, по своей бусорманской вере, на том, что быти мне, <i>имяреку</i>, под его государскою высокою рукою, и ему великому государю служить и прямить и добра хотети во всем, и ясак ему великому государю давати по вся годы безперемменно, как иные его государевы ясачные подгородные люди, и ему великому государю не изменять, и над его государевыми служилыми людами дурна никакова не чинить и не побивать. А будем мы в которых Брацких людах сведаем шатость и измену, и нам, мне <i>имяреку</i> на тех людах про тот их воровской завод извещать государевым служилым людам, и на тех государевых изменников стояти нам, или мне, с государевыми служилыми людами вместе, и иных свою братью Брацких людей ко государской милости призывать. Что в сей записи написано, великому государю царю и великому князю. Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, мы Брацкие люди, я, <i>имярек</i>, и шерть даем. А будет мы, <i>имярек</i>, не учнем великому государю служить, и прямить, и во всем добра хотети, или государева ясаку не учнем давати, или государевых служилых людей и ясачных тунгусов учнем побивати, или под государские вотчины, под городы и под остроги учнем приходить, или про новые землицы служилым людем не учнем сказывать и новых землиц свою братью под государскую высокую руку не учнем приводить, или услыша у своей братьи какое лихое умышление на государевых служилых и на промышленных и ясачных людей, и про то не учнем извещать его государевым служилым людем, и нам бы,</p>	<p>Я, ниже поименованный, обещаюся, всемогущим Богом по своему закону при 'ал' куране в том, что должен я быть Ея Императорскому Величеству Великои государыне Императрице Екатерине Алексеевне и наследнику Ея Императорского Величества Благоверному Государю Цесаревичу и Великому князю Павлу Петровичу и супруге его Благоверной Государын[е] Великой княгине Марии Федоровне, и благоверным Государям, Великим князям Александр[у] Павловичу и Константину Павловичу, и Благоверным государыням Великим княжнам Александре Павловне, Елене Павловне, Марии Павловне и Екатерине Павловне, во всю жизнь мою и с потомками верноподданным без всякаго лицемерия непоколебимо и во всем от Ея Императорского Величества и Великих Наследников Ея повинуемся, и от Ея Императорского Величества поставленным начальникам быть послушным и при том наблюдать Ея Императорского Величества интерес и не доводить оной чрез себя ни в какие убытки, а ежели где об таком осведомлюсь или узнаю, в чем-либо положенному узаконению и российскому обществу вредное, то об оном, по сущей справедливости где надлежит доносить должен и во всем поступать и весть себя так, как надлежит верному и непоколебимому рабу непременно: в чем по</p>

Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, тех людей, кто на кого какую измену или воровство подлинно доведет, а тот в том обличен будет совершенно, пожалует своим царским жалованьем и животы и вотчины тех людей, на кого какую измену и воровство доведут, велят дать им, кто доведет.»

за нашу неправду, рыбы в воде, и зверя в поле, и птицы не добыты, и чтоб нам за нашу неправду, с женами, и с детьми, и со всеми своими людьми помереть голодною смерью, и чтоб нам, за нашу неправду, со всем своим животом и скотом напрасно погинуть, и чтоб нас, за нашу неправду, государския хлеб и соль по воде и по земле не носила; и как по земле поедем или пойдем, нас бы земля поглотила; а как по воде поедем, и нас бы вода потопила. Шертую на том, на всем великому государю, как в сей записи писано».

своему закону куран великую книгу целую амин'.

По сей присяге пришедше в российское подданство ташкинец Салтан Мухамет Хозя Мухаметов на татарском диалекте значущемся на обороте сего Крепости Святаго Петра в комендантской канцелярии приведён генваря 22 дня 789-го года, в чём засвидетельствован...»

ЛИТЕРАТУРА

- Акты* времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. М., 1914. Вып. 2.
- Вершинин Е. Н.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995.
- Законодательные акты* Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986.
- Памятники* сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. I.
- Полный церковно-славянский словарь*: В 2 т. / Сост. Священник магистр Г. Дьяченко. М., 1998.
- Ромодановская Е. К.* Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980.
- Собрание* Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819–1822. Ч. 2–3.
- Федоров М. М.* История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск, 1991.
- Полное собрание законов* Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 1, 3.

Тобольск,
Тобольский индустриальный институт
ТюмГНГУ,
ИПОС СО РАН,

В настоящей статье автор попытался проследить эволюцию присяг сибирских аборигенов, называвшихся в рассматриваемый период термином шертъ. Определены виды этих присяг, один из которых являлся процессуальным действием в суде и функционировал как элемент судов Божиих. Другой разновидностью шерти выступали шертные договоры (шертоприводные записи) на подданство и верную службу царю. Шертование иноземцев в широком смысле имело то же юридическое значение, что и крестоцелование – присяга православных подданных, но приносилась шертъ по обычаям и вере аборигенных жителей. Выявляется связь шертных договоров с особой статьей наказов сибирским воеводам – «жалованным словом».

Тексты шертоприводных записей XVII в. послужили основой для появления в XVIII веке присяг на верность русским царям, при вступлении в российское подданство. Сопоставление присяги 1789 года с текстом шерти конца XVI в. и шертоприводной записью 1700 года показывает, что при всех отличиях этих документальных памятников, в них имеется ряд принципиально сходных статей,

свидетельствующих о преемственном развитии этих документов. Во-первых, они содержат обязательное указание на факт вечного подданства присягающих, во-вторых, закрепляется обязательство регулярно платить ясаk или нести службу, в-третьих, присягающие обязуются быть лояльными к представителям центральной власти на местах, и, в четвертых, присягающий обязуется извещать местные власти о «шатости и измене» своих соплеменников о всем том, что могло нанести вред государству.

Автор обращает внимание на то, что необходимо различать шертование как процессуально-ритуальное действие и шертную запись как юридический документ, подтверждающий факт и содержание клятвы-присяги, имеющей правовые последствия.

[1] Здесь и далее ссылки на репринтное переиздание 1998 года.

[2] «Знамяны» — личные или родовые рукоприкладные знаки (тамги).